

ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ У МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ЧАСТЬ 2: ПОСТИМПЕРСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК)*¹

П. Н. Дудин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Автор предпринимает попытку дать характеристику публично-властным институтам маньчжуро-монгольских народов после распада империи Цин, нашедшим отражение в малоизвестных академических русскоязычных эмигрантских источниках первой половины XX в. Революционные события в Китае 1911–1912 г. и отречение малолетнего императора от престола породили проблему легитимности новой центральной власти. Не решенная с точки зрения права, она привела к фактическому распаду страны и образованию новых национальных государств. Сам Китай в 1912 г. стал республикой, а на его границах развернулась борьба за формирование двух региональных порядков: между Россией, имперской, а затем — советской, и Японией. Региональный порядок в зоне российских интересов опирался на государственность Халха-Монголии, самой северной части монгольского мира, в конце 1911 г. выбравшей путь теократической монархии, к которой в 1912–1915 гг. пыталась примкнуть Барга. Региональный порядок в зоне японских интересов всегда был связан с Маньчжурией, провозгласившей с вторжением японцев на континент независимость как Маньчжоу-Го. В ее орбиту попадает и Внутренняя Монголия, в 1914 г. принудительно разделенная на три особых района, а позднее при помощи японцев объявившая о суверенитете как государство Мэнцзян. Институты публичной власти, выстраиваемые в этих политиях, характеризуются попыткой восстановления древних государственных традиций, однако ключевыми инструментами и в формировании порядка, и в смене статусов выступают государственность, накопленная этими народами и демонстрирующая «способность» иметь государственный суверенитет и международное признание, а также автономия, которая в одних случаях являлась стартовой точкой при отпадении от бывшей империи, а в других — финальной при сохранении в составе республиканского Китая.

Ключевые слова: институты публичной власти, региональный политический порядок, государственность, автономия, легитимность, Китайская Республика, Халха, Барга, Внутренняя Монголия, Маньчжоу-Го.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>.

¹ Часть 1 статьи см.: Дудин П. Н. Институты публичной власти у маньчжуро-монгольских народов Восточной Азии в первой половине XX в. (часть 1: имперский политический порядок) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 4. С. 442–455. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.406>

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье речь пойдет об институтах публичной власти, которые, будучи характерными для постимперского регионального политического порядка, формирование которого началось после Синьхайской революции 1911–1912 гг. в империи Цин и привело к ее распаду, нашли отражение на страницах изданий, выпускаемых нашими соотечественниками, проживавшими на тот момент в исследуемом регионе, — «Вестник Азии», «Известия Общества изучения Маньчжурского края» и «Вестник Маньчжурии». Ценность этих изданий — в своевременном фиксировании и рефлексии происходящих событий, в ярком насыщенном слого, передающем дух эпохи, а также в богатых фактических данных, а научная значимость проделанной работы — во введении в научный оборот малоизвестных фактов, присутствующих в использованных источниках.

Актуальность раскрываемой темы обусловлена, помимо обозначенных обстоятельств, еще и тем, что ключевые институты, фигурирующие в настоящей части нашего исследования, — государственность и автономия, никогда не являясь статичным состоянием, продолжают свое развитие во Внутренней Азии и в настоящее время: так, общество и политические элиты Монголии в настоящее время готовятся к обсуждению парламентской реформы — первой в истории постсоциалистического периода; в КНР в автономном районе Внутренней Монголии с апреля 2022 г. государственные и партийные органы переходят постепенно в цифровой формат и, подавая позитивный пример своим жителям, запускают масштабную пропагандистскую кампанию и т. д.

В первой половине XX в. регион находился в состоянии распада и передела сфер влияния ведущих держав, а события, явления и процессы, складывавшиеся вокруг него, до сих пор вызывают значительный интерес академического сообщества. Так, ядро империи, так называемый внутренний Китай в феврале 1912 г. объявил себя республикой и попытался обеспечить преемственность всех зависимых территорий: Внешней (Халха) и Внутренней Монголии, Синьцзяна и Тибета, что в итоге сделать в полной мере не удалось: к середине 1930-х годов страна фактически распалась на ряд полусамостоятельных регионов, многие из которых признавали формальный суверенитет центральной власти. В свою очередь Россия и Япония, преодолев травму недавней войны, заключили серию секретных договоров, сформировавших зоны специальных интересов, где ключевыми инструментами поддержания порядка на подконтрольных территориях стали новые политики. В российскую сферу интересов попала Внешняя Монголия, в конце 1911 г. объявившая о своем суверенитете во главе с церковным иерархом Богдо-гэгэном VIII в качестве Великого Хана (Богдо-Хана). При участии Российской империи в 1913–1915 гг. для этой страны удалось добиться признанного на международном уровне автономного статуса внутри Китая. Барга (Хулун-Буир, Хинганская Монголия) как небольшой, но важный объект российских интересов в 1912 г. тоже провозгласила независимость, вслед за чем объявила о переходе в подданство Великого Хана, сохраняя этот статус до 1915 г., когда Россия достигла соглашения с китайской стороной о широкой автономии Барги при непосредственном подчинении

президенту Китая. В 1920 г. автономия была ликвидирована и регион перешел в подчинение губернатора провинции Хэйлуцзян. Внутренняя Монголия в 1914 г. была разделена на три особых района, преобразованных в 1928 г. в стандартные китайские провинции, что спровоцировало националистическое движение монгольских элит, провозгласивших в 1933 г. автономию, признанную, но затем отозванную центральным правительством в Нанкине. Этот шаг привел местные элиты к переходу на сторону японцев и созданию с их участием государства Мэнцзян, ликвидированного с поражением Японии во Второй мировой войне в августе 1945 г. Наконец, в Маньчжурии, первой ощутившей японское вторжение в 1931 г., в марте 1932 г. создается Маньчжу-Монгольское государство (Маньжоу-Го), преобразованное в 1934 г. в Маньчжурскую империю (Маньжоу-Ди-Го), также ликвидированную в августе 1945 г. В связи с этим нами изучены институты публичной власти каждой из этих вновь образуемых политий, а результаты изучения и легли в основу настоящей статьи.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ЗОНЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ: ХАЛХА-МОНГОЛИЯ И БАРГА, ИХ ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ ЦИН

Халха была первой из крупных и политически единых частей империи Цин, заявивших о своей независимости. Общий фон революционных событий и хронологию формирования монголами своей государственности едва ли не по дням давал в своей заметке М. А. Полумордвинов [Полумордвинов, 1912]. Освещались вопрос вступления в должность последних, республиканских, цзяньцзюней (наместников), чжеримское вооруженное восстание и некоторые соображения по поводу положения Барги.

Любопытный дискурс относительно категории государства и политико-юридической уместности его применения в отношении Халхи выводит в одном из номеров «Вестника Азии» Н. Штейнфельд [Штейнфельд, 1913]. Во-первых, речь идет о расплывчатости формулировок, присутствующих в Русско-Монгольском Соглашении 1912 г. [Дудин, 2013], создавших в среде монгольских элит уверенность в полноценности своего государственного суверенитета. Именно эти неточности и конкретизировала созванная в 1915 г. русско-китайская конференция, давшая четкие разъяснения в отношении статусов и полномочий как в отношении Внешней Монголии, так в отношении Барги [Наука и жизнь..., 1915b; Монголия, 1915; Хроника. Монголия. Монгольский вопрос, 1916]. Во-вторых — о вассальных отношениях между Монголией и Китаем [Шкуркин, 1916, с. 21] и их содержании для Халхи [Хроника. Монголия, 1916а, с. 124–125; Хроника. Монголия, 1916b, с. 198–201; Оппенгейм, 1948; Нольде, 1915а; Нольде, 1915b; Овчинников, 1926], факт игнорирования которых монголами отмечали европейские дипломаты [Хроника. Монголия, 1914]. В-третьих — о корректности названия нового политического образования, в котором содержится претензия на управление как всеми монголоязычными народами, так и всеми монгольскими территориями [Штейнфельд, 1913, с. 23]. Упоминает автор и про инцидент с мятежными княжествами Чжеримского сейма [Восстановление Чжеримско-

го княжества, 1915]. В-четвертых — о юридическом статусе монгольского Богдо-Хана. В этом вопросе следует обратиться к работе известного востоковеда Г. Г. Авенариуса [Авенариус, 1914, с. 107], который подробно повествует об истории и природе данного титула, а также о правах на него у маньчжурских императоров [Авенариус, 1914, с. 117–118], обладающих у монгольских элит огромным авторитетом, сохранившимся у Маньчжурского дома и с провозглашением республики [Хроника. Китай. К вопросу..., 1914].

Как бы развивал мысль Н. Штейнфельда о статусе нового главы Внешней Монголии помещенный в том же номере журнала текст Декларации, направленной президенту Китая Юань Шикаю [Хроника. Китай. Декларация..., 1913], в котором Богдо-Хан объявляет себя живым Буддой, покровителем «желтой» и «красной» буддийской веры и императором [всех] монголов. Халху он называет Монгольской империей, отделившейся от Китая, а монголов — своими подданными. Президенту же он желает помочь в укреплении «[Китайского] Республиканского государства» и, в свою очередь, просит того помочь ему в «установлении нового правления в Монголии» [Хроника. Китай. Декларация..., 1913]. Подобный, слегка наивный тон общения Великого Хана с главой Китая стал своего рода доброй традицией, подтверждение которой мы находим в чуть более ранней публикации его телеграммы Юань Шикаю [Хроника. Китай, 1913], датированной концом декабря 1911 г. В ней Богдо-Хан, манипулируя националистическими настроениями, ведет речь об освобождении и монгольского, и китайского народа из-под власти маньчжуров, тем самым обосновывая факт равноправия в статусе Халха-Монголии и Китайской Республики как двух государств, входивших ранее в состав империи Цин. Это равноправие статусов и исключало, по задумке монгольского иерарха, подчиненность его страны Китайской Республике. При этом хронисты не без иронии указывают на шаткость положения самого монгольского лидера в период кризисных 1913–1914 гг. и откровенную бедность его двора (любопытные сводки по бюджету также были предметом некоторых заметок) [Хроника. Монголия, 1916b, с. 201–204], что вряд ли могло внушать оптимизм и веру исключительно в собственные силы в деле приобретения независимости.

В развитие затронутых вопросов нам теперь следует обратиться к любопытной сводке реакций наиболее популярных англоязычных китайских СМИ на подписанное в 1912 г. Русско-Монгольское соглашение, которую приводит И. Баранов [Баранов, 1913] в отношении ряда описанных выше и ряда новых институтов. Сам автор заметки не без иронии указывает на многочисленные «утки» японцев о фактическом контроле Россией едва ли не всех монгольских территорий и их природных богатств [Баранов, 1913, с. 77–79]. Он шутит о том, что авторы подобных заметок еще держали себя в рамках приличий и некоем подобии научной дискуссии, тогда как большинство статей на китайском языке были переполнены бранью и карикатурами, в которых Россия представляла в образе белого медведя [Баранов, 1913, с. 80–81]. Примечательно, что Великий Хан фигурирует в этих сводках не как глава государства, а лишь как «Живой Будда» [Баранов, 1913, с. 79], а институт вассалитета и пределы суверенитета нового государства рассматриваются в отношении как Монголии, так и Тибета [Баранов, 1913, с. 80].

Особое внимание китайских СМИ было сосредоточено на проблеме экстерриториальности для иностранных поселений и граждан, чрезвычайно большого вопроса, решить который удалось только в 1930-е годы. Экстерриториальность и ее «материальное» воплощение в виде концессий и сэттльментов [Дудин, 2017b] рассматривались как небезосновательная угроза раздела Китая [Баранов, 1913, с. 80]. К России это тоже имело определенное отношение, поскольку у нашей страны были концессии в Тяньцзине и Ханькоу, а также ряд факторий в Монголии, неэффективность управления которыми вызывали множество нареканий как со стороны местных жителей, так и со стороны российского дипломатического корпуса [Обзор..., 1915; Наука и жизнь, 1915а; Хроника. Монголия, 1916а, с. 124–125]. Имелись упоминания и об институте автономии [Баранов, 1913, с. 81], который в исследуемом регионе существенно отличался в своем содержании и юридическом наполнении от того, что привыкла в него вкладывать западная традиция [Дудин, 2020а]. В целом же китайская пресса была своеобразным агрегатором тех проблем в отношении монгольских земель, их статусов и институтов, с которыми столкнулась новая республиканская власть, не прибегая при этом к серьезному анализу ситуации и пытаясь переложить вину за них на внешних врагов и внешние обстоятельства.

Возвращаясь к предметной оценке властных институтов, отметим, что государственный аппарат Внешней Монголии и его стремительная трансформация нашли отражение в ценнейшей по своему содержанию заметке известного путешественника Михаила Воллосовича [Воллосович, 1916], также не без иронии оценивающего некоторые властные институты и попытки проведения отдельных реформ. Короткие упоминания о монгольских вооруженных формированиях содержали очередные хроники «Вестника Азии» [Хроника. Монголия. Путевые..., 1914; Хроника. Монголия, 1916b, с. 203–205].

Важное значение в вопросе институционализации имел территориальный аспект, поэтому на нем мы остановимся более подробно. Во-первых, речь идет о тех монгольских территориях, которые республиканский Китай считал своими и которыми пытался управлять. Так, в объемном своде документов М. Полумордвинов приводит ряд актов по этому вопросу, например «Воззвание от имени революционного правительства к населению столицы», на страницах которого присутствуют призывы к монголам сохранять верность центральной власти в обмен на соответствующие гарантии [Полумордвинов, 1912, с. 321–322], или «Временные основные положения Китайской Республики», где Внешняя и Внутренняя Монголия (без уточнения их юридического статуса) объявляются входящими в состав Китайской Республики, а в параграфе 18 Отдела III «Национальное Учредительное Собрание» Части II указано, что от каждой провинции, включая обе Монголии, избираются по пять депутатов [Полумордвинов, 1912, с. 321–359]. Реализовать эти идеи китайским властям так и не удалось.

Во-вторых, речь идет о тех монгольских территориях, которые сами монголы считали свободными от каких-либо обязательств перед бывшей метрополией, в связи с чем предпринимали попытки определить их политическое будущее самостоятельно. Прежде всего подразумеваются государственность Барги и ее автономный статус. Эти статусы являлись предметом и международных

дискуссий, и научного обсуждения. Первым исследователем региона, полноценно изучившим этот вопрос, можно считать русского эмигранта В.А.Кормазова [Библиографический бюллетень, 1928], ведь именно его публикации и сегодня позволяют формировать общий историко-политический и социально-экономический портрет региона в исследуемую эпоху [Кормазов, 1928а; Кормазов, 1928b; Кормазов, 1928с]. Среди источников «без купюр» интерес вызывает «Письмо от правителей Барги на имя цикарского губернатора [Хроника, 1913], знакомство с которым в полной мере поможет сформировать представление о политической обстановке вокруг округа в первые несколько лет после Синьхайской революции. «Письмо...» печаталось без редакторской правки и комментариев и интересно как по своему тону, ментально напоминающему сюжет картины И. Репина «Запорожцы», так и по содержанию отдельных весьма важных сведений о баргинских властных институтах. Что касается первого, то выпады наподобие «какой-то Юань Ши-кай своей хитростью обманул Богдохана и, забрав всю власть в свои руки, запугал народ и делает теперь все, что ему заблагорассудится» [Хроника, 1913, с. 87] явно демонстрировали отношение, сохранявшееся в среде монгольских политических элит к республиканскому строю на протяжении всей недолгой истории так называемого Бэйянского правительства. Что касается публичной власти, то авторы «Письма...» сетовали на упразднение института монгольских цзянь-цзюней (губернаторов) Хулун-Буирского округа и передачу их полномочий и прерогатив китайским чиновникам. Упоминались восемь хошунов и их правители, в которых без местного контроля и при попустительстве новых китайских властей возобладали преступные элементы, докучающие теперь своими разбойными выходками соседям. Это и служит ключевым обоснованием причин, по которым округ, не будучи достаточно силен для независимости, примыкает к Халхе. Упомянувшиеся исконные автономные права Хулун-Буира и их защита, по мнению авторов «Письма...», несправедливо усилиями центральной власти выставляют баргинцев бунтовщиками и революционерами, тогда как истинными изменниками следует считать нарушивших присягу маньчжурам революционеров [Хроника, 1913, с. 88–89]. И наконец, авторы предлагают организовать «совещательную палату», которая была бы представлена всеми жителями Маньчжурии (Трех восточных провинций) и у которой хватило бы смелости пойти на столицу и вернуть престол маленькому императору [Хроника, 1913, с. 89].

Также значительный интерес представлял урегулированный рядом международных договоров [Дудин, 2017с; Дудин, 2020b] статус Хулун-Буирского округа в канве взаимоотношений Российской империи и Китайской Республики. Любопытна позиция П. Шкуркина, которую он выразил в короткой заметке с приложением текста Соглашения [Хроника. Монголия, 1916с]. Так, ему кажется ошибочным то наименование округа, которое присутствует в письме Министерства иностранных дел России к Министерству юстиции: округ упоминается в качестве маньчжурской области, тогда как он «всегда был монгольским» [Хроника. Монголия, 1916с, с. 45]. Также он укоряет Россию в том, что, подписав с китайской стороной так называемое Кяхтинское соглашение 1915 г., она уничтожила как независимость Халхи, так и фактическую самостоятельность Барги,

и далее путем постатейного разбора автор заметки разочарованно обосновывает ошибочного такого решения. Здесь следует согласиться с ученым: округ на полтора десятилетия утрачивает свой самобытный статус и его возвращение приходится на период создания и институционализации Маньчжоу-Го. Уникальной здесь является работа В. А. Кормазова [Кормазов, 1934], детально описывающая новую монгольскую провинцию, созданную на хулун-буирских землях и получившую название Хинган (Синъань), ее структуру, органы управления, взаимоотношения с национальным правительством и др. Однако судьба молодой автономии оказалась печальной и закончилась в 1937 г. казнью японцами некоторых представителей монгольской аристократии, однако это — предмет отдельного исследования.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ЗОНЕ ЯПОНСКИХ ИНТЕРЕСОВ: ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ МАНЬЧЖУРИИ И ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ НАКАНУНЕ РЕСТАВРАЦИИ ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ

Между тем, заведя речь о Маньчжоу-Го, перейдем к рассмотрению того, как на страницах изучаемых нами изданий была отражена маньчжурская государственность, достигшая в 1930–1940-е годы максимального расцвета в качестве основной опорной базы проникновения японцев в регион, став одновременно с этим эталоном для выстраивания соответствующих отношений Японии с государствами Юго-Восточной Азии в рамках Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания. Несмотря на то что наши соотечественники, работавшие в Маньчжурии, на момент японского вторжения оказались в самой гуще событий, институты публичной власти Маньчжоу-Го нашли в их трудах лишь скудное отражение, да и оно было весьма специфичным и носило выборочный и узко-предметный характер. Так, В. Н. Крылов в своем очерке о территориальной организации региона называет его Северной Маньчжурией и фактически не упоминает Маньчжоу-Го [Крылов, 1933], из чего у непосвященного читателя может сложиться впечатление о том, что речь по-прежнему идет о китайских провинциях и их устройстве, что, однако, не снижает ценности самой работы.

Куда большая открытость и погруженность была продемонстрирована крупным специалистом — маньчжуристом В. Н. Роговым, изучившим социальную институционализацию нового государства [Рогов, 1934]. В достаточной степени подробно и скрупулезно подходил к вопросу и известный экономист Н. А. Сетницкий [Сетницкий, 1934]. Исследуя бюджет Маньчжоу-Го и называя его важнейшим документом государственного хозяйства [Сетницкий, 1934, с. 14], автор констатирует сложившуюся государственную систему управления экономикой, промышленностью и инфраструктурой. В общих чертах обрисовывая финансовую систему нового государства, Н. А. Сетницкий переходит к детальному анализу самой государственной сметы и констатирует, что в ней отражены не все средства, находящиеся в обороте [Сетницкий, 1934, с. 33]. Ценные сведения о динамике законодательной базы в отдельных сферах экономической жизни, обзор о новом законе о товарных знаках, а также ряд статей о таможенной политике Маньчжоу-Го [Домбровский, 1933], где констатируется

изменение «целеустановки существующих государственных институтов» [Домбровский, 1933, с. 27] при сохранении установленных еще китайскими властями порядков без существенных за прошедшие полтора года с момента образования нового государства перемен, позволяют дополнить скудную картину новой маньчжурской государственности. Также нельзя пройти мимо обзора «Ежегодника Маньчжоу-Го» — публикуемого с 1931 г. справочного издания [В. Г., 1934], на страницах которого содержалась актуальная информация о географических, экономических и некоторых политических сведениях новой политики.

В целом же, несмотря на богатую и насыщенную попытками японцев и коллаборационистов с китайской и монгольской стороны возродить старые и создать новые публичные институты власти политическую жизнь, она крайне редко и весьма скупо освещалась нашими соотечественниками. Среди основных причин, очевидно, была опасность (зачастую сопряженная с угрозой физической расправы) однозначно занять ту или иную сторону, обозначить свое явное отношение к происходящим событиям, которые могли измениться в любой момент. Поэтому материал носит констатирующий, а не аналитический характер и зачастую ограничивается только изучением ситуации в бывшем Особом районе Трех восточных провинций (бывшая Полоса отчуждения КВЖД) и окрестностях Харбина.

Именно поэтому, очевидно, интереснейшие события становления государственности Внутренней Монголии в тот же период обойдены вниманием изученных нами источников. Эта часть маньчжуро-монгольского мира в 1930–1940-е годы пережила цикл преобразований: автономия в составе Китайской Республики; провозглашение независимости в составе конфедерации политий под японским контролем; объединение их в федерацию и повторное провозглашение независимости; вхождение на правах автономной федерации в состав «альтернативной» Китайской Республики под управлением бывшего заместителя Чан Кайши Ван Цзинвэя; провозглашение независимости центральных аймаков в послевоенный период; частичная автономизация в составе территорий, контролируемых коммунистами, и частичное возвращение к довоенной административно-территориальной организации в составе территорий, контролируемых гоминьдановцами; объединение и создание первого автономного района нового социалистического Китая. Данные процессы и публично-властные институты, формируемые в этих политиях, были описаны в ряде недавно вышедших книг [Дудин, 2017а] и научных статей [Дудин, 2021], поэтому здесь не рассматриваются.

Вместе с тем считаем необходимым обратить внимание читателя на события, происходившие двумя десятилетиями ранее и тогда же нашедшие отражение в трудах наших соотечественников, поскольку именно они и предопределили дизайн политической карты региона в исследуемую эпоху. Значительный вклад в процесс трансформации Внутренней Монголии внесла колонизация, от которой она пострадала сильнее всех монгольских территорий. О юридической стороне этого процесса писал М. А. Полумордвинов, собрав ценнейшую коллекцию декретов президента Китая об административно-территориальном устройстве нового государства, переведенных на русский

язык [Полумордвинов, 1915]. Наибольший интерес представляют декреты от 6 июля 1914 г. «Положение об управлении областями Жэ-хэ, Чахар и Гуй-хуачэн (Суй-юань-чэн)» [Полумордвинов, 1915, с. 25] и «Положение о военных губернаторах и штаты областных правлений» [Полумордвинов, 1915, с. 26–28]. Знаковыми эти акты можно считать по четырем основаниям. Во-первых, представленный материал — первоисточники, нормативные правовые акты, а не комментарий к ним или вольный пересказ. Во-вторых, именно на их основании единое до этого государственное пространство Внутренней Монголии разделяется на области (в верном изложении — особые районы, или районы с особым статусом) во главе с военными губернаторами — датунами, с непосредственным их подчинением президенту (как и Барга в период с 1915 по 1920 г.), тем самым закладываются основы преобразования их в 1928 г. в три одноименные китайские провинции. В-третьих, как указывает сам М. А. Полумордвинов, в тексте этих актов содержалось точное перечисление относимых к этим областям сеймов [Полумордвинов, 1915, с. 15]. В-четвертых, данный шаг заложил «мину замедленного действия», которая дала о себе знать во время японского вторжения на континент: поскольку монгольские земли были четко сегментированы, в 1933 г. ставшая провинцией территория Жэхэ целиком вошла в состав Маньчжоу-Го, где значительная ее часть стала ядром автономной провинции Хинган (Синьань), а Чахар и Суйюань в 1937 г. стали ядром государства Мэнцзян.

Далее, на фоне борьбы монархистов и республиканцев и отречения от престола провозгласившего себя в 1915 г. императором Юань Шикая ценные сведения о восстании известного монгольского князя Бабуджава приводит короткая заметка в «Вестнике Азии», повествующая о численности мятежников, их стратегии и общей обстановке в северных и северо-западных провинциях [Хроника. Китай. Монгольская инсurreкция, 1916].

Также важное значение для нас имеет визуализация исследуемого пространства, поэтому знаковой оказалась заметка, помещенная в последнем номере «Экономического вестника Маньчжурии» за 1924 г., о предполагаемых к составлению картах Монголии и Маньчжурии под руководством известного исследователя региона В. И. Сурина [Хроника, 1924]. Забегая вперед, отметим, что эти карты действительно увидели свет в 1925 г. [Дудин, Базаров, 2022, с. 89] и на сегодняшний день являются единственным подобного рода материалом, позволяющим взглянуть на хошунно-аймачно-сеймовую организацию практически всех монгольских земель.

Важные сведения о составе территорий каждого из трех особых районов Жэхэ, Чахар и Суйюань с перечислением входящих в их состав китайских уездов, монгольских сеймов, аймаков и хошунов, китайским и монгольским административным аппаратом, населенными пунктами и политическими центрами, описанием налоговой, банковской и финансовой системы, а также картой-схемой Внутренней Монголии содержат две статьи А. В. Маракуева [Маракуев, 1927а; Маракуев, 1927б]. А существенные дополнения к знаниям о системе управления княжеством на примере аймака Уцзумучин — в одноименной статье не идентифицированного нами автора Э. Л. Теслера [Теслер, 1934]. Таким

образом, набор этих сведений вносит ценный вклад в понимание событий, предшествующих созданию на территории центральных районов Внутренней Монголии государства Мэнцзян.

ВЫВОДЫ

Итак, констатируем, что в ракурсе постимперского регионального порядка, начало формирования которого ознаменовалось Синьхайской революцией 1911–1912 гг., образовались два центра силы: Япония и сначала имперская, затем советская Россия, которые на протяжении последующих 40 лет будут находиться в активном, но не военном, а ресурсном противостоянии. Весьма эффективным инструментом противоборства станет опора на бывшие окраины империи Цин, с разной степенью интенсивности и результативности проявляющие стремление к самостоятельности.

Общим же среди этих процессов были конструирование институтов публичной власти, опора на славное прошлое и возрождение былого величия. Так, Халха-Монголия, возведя в конце 1911 г. на престол буддийского иерарха Богдо-гэгэна VIII, в память о временах Чингисхана даровала ему титул Великого Хана, а Маньчжурия, восстановив свою единую государственность в 1932 г., спустя два года восстановила и императорский титул, и самого императора. Политические элиты соседних политий, Барги и Внутренней Монголии, в духе времени стремились сохранить древние устои и собственные институты публичной власти, однако сделать этого не удалось: недальновидная политика новых республиканских властей молодого Китая была однозначно направлена на интеграцию этой части монгольских земель в единое государственное пространство, что обеспечивалось как силой оружия, так и на законодательном уровне. К сожалению для всех сторон, подобные действия привели к обратному результату, и с проникновением японцев на континент Хулун-Буир и центральные аймаки Внутренней Монголии первыми перешли на сторону противника.

Еще на две закономерности в вопросе конструирования публично-властных институтов следует обратить пристальное внимание. Первая — это факт обретения в обозначенный исторический промежуток всеми поименованными в настоящей статье политиями своей государственности как осязаемой сущности. Она как бы демонстрировала готовность к самостоятельности и очерчивала границу между уходящим зависимым прошлым и приходящим суверенным настоящим.

Вторая закономерность заключается в том, что сформированная государственность с ее пространством, идеологической основой, историческим прошлым и т. п. атрибутами не остановилась на месте, а продолжила свое развитие — в большинстве своем в виде автономий (на монгольских землях, но не в Маньчжурии). С одной стороны, автономии как бы закрепляли достигнутый результат — результат не только стремления отделиться от республиканского Китая, но и предпринимаемых к этому конкретных бескровных шагов. С другой стороны, приобретение статуса автономии давало политическим элитам

определенную передышку и возможность выбрать дальнейший путь, который в одном случае привел к окончательной независимости (Халха-Монголия — Монгольская Народная Республика), в другом — к временной (Монгольская автономия — Мэнцзян — автономный район Внутренняя Монголия), а в третьем завершил свое течение, превратив политику в часть одного из регионов (городской округ Хулун-Буир). И только Маньчжурия, изначально встав на путь независимости, достаточно легко и быстро приобрела ее со всеми необходимыми внешними и внутренними атрибутами государственного суверенитета и институтами публичной власти, а затем также легко и быстро потеряла, оказавшись окончательно разделенной между национальными и территориальными образованиями Нового Китая.

Литература

- Авенариус Г.* Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция о существовании государственной власти // Вестник Азии. 1914. № 19–22. С. 1–151.
- Баранов И.* Китайская печать о русско-монгольском соглашении // Вестник Азии. 1913. № 13. С. 77–86.
- Библиографический бюллетень Центральной библиотеки КВЖД, № 12. Библиография // Вестник Маньчжурии. 1928. № 8. С. 1–2.
- В. Г.* Библиография // Вестник Маньчжурии. 1934. № 11–12. С. 146–151.
- Воллосович М.* Письма из Монголии: Преобразование Монголии // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 44–50.
- Восстановление Чжеримского княжества // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 114–119.
- Домбровский И. И.* Таможенный тариф Маньчжу-Го // Вестник Маньчжурии. 1933. № 22. С. 27–37.
- Дудин П. Н.* Борьба за «Мэнцзянское наследство» на фоне формирования нового политического порядка в Восточной Азии после окончания Второй мировой войны (1945–1947 гг.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 34. С. 83–94.
- Дудин П. Н.* Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020а. Т. 16, № 1. С. 40–57.
- Дудин П. Н.* Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект // Genesis: исторические исследования. 2020б. № 8. С. 12–25.
- Дудин П. Н.* Политическая история Мэнцзяна / 2-е изд. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017а. 316 с.
- Дудин П. Н.* Правовые основы русского стратегического присутствия в Восточной Азии (конец XIX — первая половина XX вв.) // Международные отношения. 2017б. № 4. С. 16–22.
- Дудин П. Н.* Русская дипломатическая миссия в Пекине и ее роль в обеспечении интересов России при становлении государственности Барги (1912–1915 гг.) // Vyluč Gody. 2017с. Vol. 46, iss. 4. P. 1534–1545.
- Дудин П. Н.* Становление и нормативное закрепление теократической монархии в Монголии в 1911–1924 годах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 2. С. 156–161.
- Дудин П. Н., Базаров К. Ю.* Маньчжуро-монгольский мир на страницах изданий, хранящихся в фондах академических учреждений г. Владивостока // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2022. № 4 (48). С. 87–92.
- Кормазов В. А.* Барга: Экономический очерк. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1928а. VII, [5], 281 с.
- Кормазов В. А.* Кочевая Барга // Вестник Маньчжурии. 1928б. № 8. С. 50–59.
- Кормазов В. А.* Кочевая Барга // Вестник Маньчжурии. 1928с. № 9. С. 35–42.
- Кормазов В. А.* Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–74.

Крылов В. Н. Экономические очерки уездов Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1933. № 22. С. 43–49.

Маракуев А. В. Внутренняя Монголия // Вестник Маньчжурии. 1927а. № 8. С. 35–47.

Маракуев А. В. Внутренняя Монголия // Вестник Маньчжурии. 1927б. № 9. С. 46–55.

Монголия // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 112–114.

Наука и жизнь. Монголия. Русские интересы в Монголии // Вестник Азии. 1915а. № 34. С. 244–246.

Наука и жизнь. Монголия. Русско-китайская конференция в Кяхте // Вестник Азии. 1915б. № 34. С. 243–244.

Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Право. Еженедельная юридическая газета. 1915а. № 34 (23 августа). Стб. 2153–2168.

Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Право. Еженедельная юридическая газета, 1915б. № 35 (30 августа). Стб. 2217 — 2231.

Обзор событий на Дальнем Востоке. Монголия // Вестник Азии. 1915. № 33. С. 150–152.

Овчинников В. А. Из юридической литературы о международном положении Монголии // Известия Юридического факультета. 1926. Т. III. С. 35–43.

Оппенгейм Л. Международное право: Мир. Т. 1, полут. 1 / пер. с англ., дополнено Г. Лаутерпахтом; ред. и предисл. С. Б. Крылова. М.: Иностранная литература, 1948. 407 с.

Полумордвинов М. Китайская революция в Императорских указах // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 277–364.

Полумордвинов М. Эволюция местного административного управления в Китае (по декретам Президента Республики) // Вестник Азии. 1915. № 33. С. 3–43.

Рогов В. Работа культурных и научных учреждений Маньчжу-Го // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 179–183.

Сетницкий Н. А. Бюджет Маньчжу-Ди-Го // Вестник Маньчжурии. 1934. № 11–12. С. 14–33.

Теслер Э. Л. Уцзумучин // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 95–101.

Хроника // Вестник Азии. 1913. № 13. С. 87–89.

Хроника // Экономический вестник Маньчжурии. 1924. № 49–50. С. 24–31.

Хроника. Китай // Вестник Азии. 1913. № 14. С. 41–47.

Хроника. Китай. Декларация живого Будды // Вестник Азии. 1913. № 15. С. 57.

Хроника. Китай. К вопросу о самостоятельности Халхи // Вестник Азии. 1914. № 25–27. С. 122.

Хроника. Китай. Монгольская инсurreкция // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 160–161.

Хроника. Монголия // Вестник Азии. 1914. № 25–27. С. 131–132.

Хроника. Монголия // Вестник Азии. 1916а. № 37. С. 124–132.

Хроника. Монголия // Вестник Азии. 1916б. № 38–39. С. 198–205.

Хроника. Монголия // Вестник Азии. 1916с. № 40. С. 45–48.

Хроника. Монголия. Монгольский вопрос // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 123.

Хроника. Монголия. Путевые впечатления от Монголии // Вестник Азии. 1914. № 23–24. С. 112.

Шкуркин П. Переворот в Китае // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 1–34.

Штейнфельд Н. П. Важная недомолвка в Ургинском договоре // Вестник Азии. 1913. № 15. С. 23–26.

Дудин Павел Николаевич — д-р ист. наук, доц.; dudin2pavel@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15 апреля 2023 г.;

рекомендована к печати: 15 июня 2023 г.

Для цитирования: Дудин П. Н. Институты публичной власти у маньчжуро-монгольских народов Восточной Азии в первой половине XX в. (часть 2: постимперский политический порядок) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 3. С. 475–489.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.308>

INSTITUTIONS OF PUBLIC POWER AMONG THE MANCHU-MONGOLIAN PEOPLES OF EAST ASIA IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY (PART 2: POSTIMPERIAL POLITICAL ORDER)*

Pavel N. Dudin

Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Sakhyanovoy, Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation; dudin2pavel@gmail.com

The author attempts to characterize the public-power institutions of the Manchu-Mongol peoples after the collapse of the Qing Empire, reflected in little-known academic Russian-speaking emigrant sources of the first half of the twentieth century. The revolutionary events in China in 1911–1912 and the abdication of the infant emperor from the throne gave rise to the problem of the legitimacy of the new central government. Not solved from the point of view of law, it led the country to the actual disintegration of the country and the formation of new nation-states. China itself in 1912 became a republic, and a struggle for the formation of two regional orders unfolded on its borders: between Russia, imperial, and then Soviet, and Japan. The regional order in the zone of Russian interests was based on the statehood of Khalkha-Mongolia, the northernmost part of the Mongolian world, which at the end of 1911 chose the path of the theocratic monarchy, to which Barga tried to join in 1912–1915. The regional order in the zone of Japanese interests has always been associated with Manchuria, which declared independence as Manchukuo with the invasion of the Japanese on the continent. Inner Mongolia also falls into its orbit, forcibly divided into 3 special regions in 1914, and later, with the help of the Japanese, declared sovereignty as the state of Mengjiang. The institutions of public power built up in these policies are characterized by an attempt to restore ancient state traditions, but the key tools in the formation of order and in the change of statuses are the statehood accumulated by these peoples and demonstrating the “ability” to have state sovereignty and international recognition, as well as autonomy, which in some cases was the starting point when falling away from the former empire, and in others — the final one while remaining part of republican China.

Keywords: institutions of public power, regional political order, statehood, autonomy, legitimacy, Republic of China, Khalkha, Barga, Inner Mongolia, Manchukuo.

References

- Avenarius G. Brief essay on the history of China in connection with the teachings of Confucius on the essence of state power. *Vestnik Azii*, 1914, no. 19–22, pp. 1–151. (In Russian)
- Baranov I. Chinese press about the Russian-Mongolian agreement. *Vestnik Azii*, 1913, no. 13, pp. 77–86. (In Russian)
- Bibliographic Bulletin of the Central Library of the CER, no. 12. Bibliography. *Vestnik Man'chzhurii*, 1928, no. 8, pp. 1–2. (In Russian)
- Chronicle. China. Declaration of the living Buddha. *Vestnik Azii*, 1913, no. 15, p. 57. (In Russian)
- Chronicle. China. Mongolian insurrection. *Vestnik Azii*, 1916, no. 37, pp. 160–161. (In Russian)
- Chronicle. China. To the question of the independence of Khalkha. *Vestnik Azii*, 1914, no. 25–27, pp. 122. (In Russian)
- Chronicle. China. *Vestnik Azii*, 1913, no. 14, pp. 41–47. (In Russian)

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>. Part 1: Dudin P. N. Institutions of public power among the Manchu-Mongolian peoples of East Asia in the first half of the twentieth century (part 1: imperial political order). *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 442–455. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.406> (In Russian)

- Chronicle. *Ekonomicheskii vestnik Man'chzhurii*, 1924, no. 49–50, pp. 24–31. (In Russian)
- Chronicle. Mongolia. Mongolian question. *Vestnik Azii*, 1916, no. 37, p. 123. (In Russian)
- Chronicle. Mongolia. Travel impressions from Mongolia. *Vestnik Azii*, 1914, no. 23–24, pp. 112. (In Russian)
- Chronicle. Mongolia. *Vestnik Azii*, 1914, no. 25–27, pp. 131–132. (In Russian)
- Chronicle. Mongolia. *Vestnik Azii*, 1916a, no. 37, pp. 124–132. (In Russian)
- Chronicle. Mongolia. *Vestnik Azii*, 1916b, no. 38–39, pp. 198–205. (In Russian)
- Chronicle. Mongolia. *Vestnik Azii*, 1916c, no. 40, pp. 45–48. (In Russian)
- Chronicle. *Vestnik Azii*, 1913, no. 13, pp. 87–89. (In Russian)
- Dombrovskii I. I. Customs tariff of Manchu-Guo. *Vestnik Man'chzhurii*, 1933, no. 22, pp. 27–37. (In Russian)
- Dudin P. N. The Struggle for the “Mengjiang Heritage” against the Background of the Formation of a New Political Order in East Asia after the Second World War (1945–1947). *Trudy instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, 2021, vol. 34, pp. 83–94. (In Russian)
- Dudin P. N. Autonomous State as a Political Category and an Instrument of Strategic Presence. *Political expertise: POLITEX*, 2020a, vol. 16, no. 1, pp. 40–57. (In Russian)
- Dudin P. N. Barga as part of the sphere of Russian strategic interests in East Asia in the first quarter of the 20th century: a contractual aspect. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, 2020b, no. 8, pp. 12–25. (In Russian)
- Dudin P. N. Formation and normative consolidation of the theocratic monarchy in Mongolia in 1911–1924. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2013, no. 2, pp. 156–161. (In Russian)
- Dudin P. N. Legal foundations of the Russian strategic presence in East Asia (late XIX — first half of the XX centuries). *Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017b, no. 4, pp. 16–22. (In Russian)
- Dudin P. N. *Political History of Mengjiang*, 2nd ed. Praga: Vědecko vydavatelské centrum “Socio-sféra-CZ” Publ., 2017a. 316 p. (In Russian)
- Dudin P. N. The Russian diplomatic mission in Beijing and its role in ensuring the interests of Russia during the formation of the statehood of Barga (1912–1915). *Bylye Gody*, 2017c, vol. 46, iss. 4, pp. 1534–1545. (In Russian)
- Dudin P. N., Bazarov K. Iu. The Manchurian-Mongolian world on the pages of publications stored in the funds of academic institutions in Vladivostok. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2022, no. 4 (48), pp. 87–92. (In Russian)
- Kormazov V. A. *Barga: An economic essay*. Kharbin: Tipografiia Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1928a. VII, [5], 281 p. (In Russian)
- Kormazov V. A. Khingan Province. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 1, pp. 31–74. (In Russian)
- Kormazov V. A. Nomadic Barga. *Vestnik Man'chzhurii*, 1928b, no. 8, pp. 50–59. (In Russian)
- Kormazov V. A. Nomadic Barga. *Vestnik Man'chzhurii*, 1928c, no. 9, pp. 35–42. (In Russian)
- Krylov V. N. Economic essays on the counties of Northern Manchuria. *Vestnik Man'chzhurii*, 1933, no. 22, pp. 43–49. (In Russian)
- Marakuev A. V. Inner Mongolia. *Vestnik Man'chzhurii*, 1927a, no. 8, pp. 35–47. (In Russian)
- Marakuev A. V. Inner Mongolia. *Vestnik Man'chzhurii*, 1927b, no. 9, pp. 46–55. (In Russian)
- Mongolia. *Vestnik Azii*, 1915, no. 35–36, pp. 112–114. (In Russian)
- Nol'de B. E. International position of Mongolia. *Pravo. Ezhenedel'naia iuridicheskaiia gazeta*, 1915a, no. 34 (August 23), col. 2153–2168. (In Russian)
- Nol'de B. E. International position of Mongolia. *Pravo. Ezhenedel'naia iuridicheskaiia gazeta*, 1915b, no. 35 (August 30), col. 2217–2231. (In Russian)
- Oppenheim L. *International Law: Peace*, transl. from Eng., ed. by S. B. Krylov (Foreword), add. by G. Lauterpacht. vol. 1, half-vol. 1. Moscow: Inostrannaia literatura Publ., 1948. 407 p. (In Russian)
- Ovchinnikov V. A. From the legal literature on the international situation of Mongolia. *Izvestiia iuridicheskogo fakul'teta*, 1926, vol. III, pp. 35–43. (In Russian)
- Overview of events in the Far East. Mongolia. *Vestnik Azii*, 1915, no. 33, pp. 150–152. (In Russian)
- Polumordvinov M. Chinese Revolution in the Imperial Decrees. *Vestnik Azii*, 1912, no. 11–12, pp. 277–364. (In Russian)

- Polumordvinov M. The evolution of local administrative management in China (according to the decrees of the President of the Republic). *Vestnik Azii*, 1915, no. 33, pp. 3–43. (In Russian)
- Restoration of the Principality of Zherim. *Vestnik Azii*, 1915, no. 35–36, pp. 114–119. (In Russian)
- Rogov V. The work of cultural and scientific institutions of Manchu-Guo. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 1, pp. 179–183. (In Russian)
- Science and life. Mongolia. Russian interests in Mongolia. *Vestnik Azii*, 1915a, no. 34, pp. 244–246. (In Russian)
- Science and life. Mongolia. Russian-Chinese conference in Kyakhta. *Vestnik Azii*, 1915b, no. 34, pp. 243–244. (In Russian)
- Setnitskii N. A. Budget of Manchu-Di-Guo. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 11–12, pp. 14–33. (In Russian)
- Shkurkin P. Coup in China. *Vestnik Azii*, 1916, no. 37, pp. 1–34. (In Russian)
- Shteinfel'd N. P. An important omission in the Urga treaty. *Vestnik Azii*, 1913, no. 15, pp. 23–26. (In Russian)
- Tesler E. L. Uzunuchin. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 1, pp. 95–101. (In Russian)
- V. G. Bibliography. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 11–12, pp. 146–151. (In Russian)
- Vollosovich M. Letters from Mongolia: Transformation of Mongolia. *Vestnik Azii*, 1916, no. 37, pp. 44–50. (In Russian)

Received: April 15, 2023

Accepted: June 15, 2023

For citation: Dudin P. N. Institutions of public power among the Manchu-Mongolian peoples of East Asia in the first half of the twentieth century (part 2: Postimperial political order). *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 471–485. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.308> (In Russian)